

УДК 316.624.2

DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-48-63

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДОЛГОВОГО ПОВЕДЕНИЯ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ КОНФЕССИЙ

Гагарина М. А.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49, Российская Федерация*

*Институт психологии Российской академии наук
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить различия в готовности брать, давать в долг и возвращать его у представителей разных религиозных конфессий. Определить связь характеристик долгового поведения с особенностями морально-нравственной оценки поведения и убеждениями у мусульман, православных христиан и агностиков.

Процедура и методы. «Опросник долгового поведения», опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey – SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire – MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Выборка № 1: 85 мусульман (35 мужчин, 50 женщин) в возрасте от 17 до 57 лет; $M=35,3$; $SD=8,2$. Выборка № 2: 85 православных христиан (41 мужчина, 44 женщины) в возрасте от 18 до 55 лет; $M=37,6$; $SD=8,0$. Выборка № 3: 85 агностиков (48 мужчин, 37 женщин) в возрасте от 16 до 58 лет; $M=38,6$; $SD=9,4$.

Результаты. Достоверных различий по готовности давать, брать в долг и возвращать его между представителями разных религиозных конфессий получено не было. Основное отличие православных христиан от других респондентов – наличие связей всех характеристик долгового поведения с лояльностью к группе. Отличие мусульман от других респондентов – наличие связи социального цинизма и отказа от одалживания. Отличие агностиков от респондентов, имеющих религиозные убеждения, – отсутствие связи между верой в вознаграждение усилий с избеганием заимствования и готовностью к исполнению обязательств, и наличие связи избегания одалживания со сложностью социального мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование вносит вклад в понимание особенностей долгового поведения у представителей разных религиозных конфессий и может быть использовано для выработки подхода по профилактике девиантного долгового поведения у жителей разных федеральных округов России.

Ключевые слова: долг, долговое поведение, религиозные конфессии, моральные основания, социальные аксиомы

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 19-29-07463.

COMPARATIVE ANALYSIS OF DEBT BEHAVIOR OF REPRESENTATIVES OF DIFFERENT RELIGIOUS DENOMINATIONS

M. Gagarina^{1,2}

*Financial University, under the Government of the Russian Federation
49, Leningradsky pr, Moscow 125993, Russia*

Institute of Psychology, RAS

13-1, Yaroslavskaya ul., Russian Academy of Sciences, Moscow 129366, Russia

Abstract

Aim. To identify differences in the willingness to borrow and repay debt from representatives of different confessions. To determine the relationship between the characteristics of debt behavior with the characteristics of moral foundations and social axioms among Muslims, Orthodox Christians and agnostics.

Methodology. “Debt Behavior Questionnaire”, “Social Axioms” Survey (SAS) by M. Bond and K. Leung, adapted by A.N. Tatarko and N.M. Lebedeva, “Moral Foundations Questionnaire” (MFQ) by J. Haidt, adapted by O.A. Sychev. Sample 1: 85 Muslims (35 men, 50 women) aged 17 to 57; $M = 35.3$; $SD = 8.2$. Sample 2: 85 Orthodox Christians (41 men, 44 women) aged 18 to 55; $M = 37.6$; $SD = 8.0$. Sample 3: 85 agnostics (48 men, 37 women) aged 16 to 58; $M = 38.6$; $SD = 9.4$.

Results. Significant differences in the willingness to lend, borrow and repay debts between representatives of different religious denominations were not found. The main difference between Orthodox Christians and other respondents is the presence of correlation between all characteristics of debt behavior and loyalty to the group. What distinguishes Muslims from other respondents is the connection between social cynicism and avoidance of lending. The difference between agnostics and respondents with religious convictions is the lack of a link between belief in rewarding efforts with avoidance of borrowing and willingness to fulfill obligations, and the presence of a link between avoidance of lending and the complexity of the social world.

Research implications. The study contributes to understanding of the peculiarities of debt behavior among representatives of different religious denominations and can be used to develop an approach for the prevention of deviant debt behavior among residents of different federal districts of Russia.

Keywords: debt, debt behavior, religious denominations, moral foundations, social axioms

Acknowledgments. The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project no. 19-29-07463).

Введение

Необходимость учёта не только финансовых факторов, но и духовной культуры, традиций и верований в развитии экономики указывают разные авторы [7]. Понятие «долг» по своему содержанию является одновременно категорией как экономического (денежный долг, заём), так и морально-

го (долг как обязанность) сознания [1]. Ряд зарубежных авторов приводит результаты исследований, подтверждающих влияние принадлежности к религиозному сообществу на поведение в сфере кредитования на уровне отдельных домохозяйств [19], организаций [15; 20; 22] и целых регионов [12; 20]. При этом некоторые авторы указы-

вают на то, что при принятии финансовых решений имеет значение факт религиозной приверженности вообще, а не конкретная конфессиональная принадлежность [12]. В целом религиозная приверженность связывается с двумя взаимосвязанными формами поведения: 1) меньшим риском [14, 18, 21, 23, 25]; и 2) меньшим участием в сомнительной деятельности [16, 22, 24]. Возможным объяснением такого поведения может быть то, что большинство религий учат своих последователей быть скромными в финансовых стремлениях, ставить духовное участие выше денежной выгоды и полагаться на Бога в поисках помощи во времена финансовых и других трудностей. Более того, для религиозных людей полезность денежной выгоды, которая требует финансовых рисков, может заменить полезность духовных усилий. Вместе эти понятия могут объяснить, почему религиозность предсказывает консерватизм в принятии финансовых решений [9; 12]. Религиозная вера положительно связана с установками, способствующими экономическому росту, и эти убеждения могут влиять на воздействие стрессовых потрясений на благополучие, изменив ценность, которую человек придаёт такому потрясению [19]. То же самое можно сказать и о домохозяйствах. Те домохозяйства, которые вовлечены в религиозные организации, влияющие на их убеждения, отношения и ценности, меньше подвержены влиянию скачков доходов на потребление [17].

Поскольку банки ценят характеристики, присущие религиозным людям, независимо от конфессиональной принадлежности (неприятие риска, честность и справедливость), то и

фирмы, расположенные в более религиозных регионах и, следовательно, подчиняющиеся тем же социальным нормам, получают более выгодные условия по ссудам от банковских кредиторов [20]. Банки в более религиозных областях являются менее уязвимыми к кризисам за счёт того, что они имеют более низкие риски ввиду менее агрессивного наращивания своих сбережений, держания более безопасных портфелей активов, в меньшей степени зависящих от непроцентного дохода, который имеет тенденцию быть более рискованным, и ввиду предоставления более низких стимулов для принятия риска ключевыми руководителями. Основным каналом негативной связи между местной религиозностью и принятием риска банками является влияние религии на неприятие риска местными жителями. В частности, авторы обнаружили, что негативное влияние местной религиозности на банковский риск сильнее среди банков, для которых более важны местные инвесторы и руководители. Эти результаты предполагают, что местная религиозность связана с более высоким неприятием риска и финансовым консерватизмом местных инвесторов и менеджеров, чьи предпочтения влияют на культуру риска местных банков [12].

На территории России живут представители разных национальностей и разных конфессий. Изучение долгового менталитета россиян, понимаемого как «интегральная характеристика людей определённой культуры, позволяющая описать своеобразие видения ими отношений заимствования, одалживания и исполнения обязательств и объяснить специфику их реагирования в таких ситуациях» [1,

с. 36], побудило нас к изучению различий в готовности брать, давать в долг и возвращать его между россиянами с разными религиозными убеждениями. Предпосылкой предположения о наличии таких различий послужили расхождения, описанные ниже.

Сущность *исламской экономики* значительно отличается от западной. Вся исламская экономика основывается на религиозных принципах, прописанных в священном Коране и хадисах. Например, основополагающим принципом является запрет на ростовщичество (риба). Коран порицает все его формы, как предоставление займы под процент, так и взятие [5]. Следовательно, существуют различия и в функционировании институтов: традиционные коммерческие банки предлагают кредиты частным лицам, бизнесу и правительственным учреждениям, а для исламских банков не приемлемы классические условия для вкладчиков и заёмщиков, такие как плата банком процентов или сбор процентных сумм [4]. Однако взять деньги в долг в мусульманском банке можно. Эта схема называется «мурабаха» и работает так: «банк сам приобретает недвижимость или другие товары, а потом продаёт их в рассрочку клиенту с заранее оговорённой наценкой. Её размер определяется затратами, которые понёс банк при покупке имущества для своего клиента»¹. Существует ряд сложностей с введением в России исламских банков или отдельных окон в обычных банках, так как эти услуги

не пользуются популярностью из-за своей высокой стоимости, отсутствия квалифицированных специалистов, отсутствия единых признанных стандартов функционирования и нормативно-правовой базы и др. [6]. По данным НАФИ, представленным в 2015 г., только 12% российских мусульман готовы пользоваться услугами банков, работающих по законам шариата, следует из опроса Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), опубликованного 4 декабря. Большинство из тех, кто не заинтересован в исламском банкинге, не видят в нём необходимости. Опрошенные либо не хотят менять свой банк, либо не видят преимуществ. На это указал 41% тех, кто не готов пользоваться исламским банкингом. Ещё 33% попросту не обладают информацией о таких услугах.

Ряд публикаций описывает влияние ислама на финансовые решения на уровне руководства организации [15; 22], банков [23] и семейного бизнеса [22]. В целом, исламское финансирование рассматривается как рецепт снижения бизнес-рисков и финансовых кризисов [см.: 24], а также стимулирования конкурентоспособности [25] с помощью принципа этической и осмотрительной бизнес-модели с упором на финансовую устойчивость. В исследовании, опирающемся на данные из Пакистана, представлены убедительные доказательства того, что процент дефолтов по исламским займам составляет менее половины показателя дефолтов по обычным займам [13].

В *православных* текстах тоже большое внимание уделено теме долга. Долг есть образ и подобие греха, а взятие кредитов рассматривается как дей-

¹ Стогней А., Краснова А. Кредит по шариату. Нужен ли в России исламский банкинг? // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/news/paper/2015/12/07/56bc8a8b9a7947299f72b7e6>. (дата обращения: 01.07.2021).

стве, продиктованное тщеславием. Человеку предписывается бояться долгов, как он боится рабства. Взятое же в долг следует отдавать¹. В Евангелие есть упоминание о дающих в долг: «Прозящему у тебя дай, и от хотящего занять у тебя не отвращайся»².

Предположительно и мусульмане, и православные христиане будут в меньшей степени готовы брать в долг и в большей степени готовы исполнять обязательства, чем люди, не относящие себя к определённой конфессии и не ограниченные в своём поведении религиозными догмами. Готовность же давать в долг будет более выражена у православных христиан, чем у двух других групп респондентов.

Поскольку религия представляет собой систему коллективных представлений об устройстве мира, выполняет адаптивную функцию и придаёт существованию определённый свыше смысл [9], мы предположили, что у представителей разных религиозных конфессий характеристики долгового поведения будут связаны с разными ценностями и представлениями о мире.

Методология исследования

Цель. Выявить различия в готовности брать, давать в долг и возвращать его у представителей разных религиозных конфессий. Определить связь характеристик долгового поведения с особенностями морально-нравственной оценки поведения и пред-

ставлениями о мире у мусульман, православных христиан и агностиков.

Гипотезы исследования. 1. У респондентов, имеющих религиозные убеждения, будут наблюдаться более низкая готовность брать в долг, и большая готовность исполнять обязательства по сравнению с агностиками. 2. Православные христиане будут в большей степени готовы давать в долг, чем другие респонденты. 3. У православных христиан, мусульман и агностиков характеристики долгового поведения будут связаны с разными ценностями и представлениями о мире.

Процедура и методы. Для оценки готовности к заимствованию, одалживанию и исполнению обязательств нами применялся «Экспресс-опросник долгового поведения», включающий три шкалы: 1) «Избегание–принятие долгов» – высокие баллы по шкале соответствуют избеганию заимствования, а низкие – готовности брать в долг; 2) «Долговая рациональность–нерациональность» – высокие баллы по шкале соответствуют готовности исполнять долговые обязательства, как существующие, так и потенциальные, низкие – баллы соответствуют оправданию неисполнения обязательств; 3) «Осуждение–терпимость» к должникам – высокие баллы соответствуют избеганию одалживания и осуждению заёмщиков, а низкие – готовности давать деньги в займы [2].

Для измерения ценностных ориентаций использовался «Опросник моральных оснований» (Moral Foundations Questionnaire – MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Эта концепция предполагает существование пяти базовых составляю-

¹ См.: Ткачёв А. Долги // Православие. ru. URL: <https://pravoslavie.ru/121150.html> (дата обращения: 01.07.2021).

² Евангелие от Матфея 5: 42.

щих сферы морали, которые выступают в качестве критериев нравственной оценки поступков и событий: 1) забота о других; 2) справедливость; 3) уважение к авторитетам; 4) лояльность к своей группе; 5) следование нормам чистоты и святости [10].

Третий опросник, применяемый нами в работе, – опросник «Социальные аксиомы» (Social Axioms Survey – SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой [11]. Отличие социальных аксиом от ценностей состоит в том, что они не содержат в себе оценки, отражают не желаемое состояние, а констатацию существующих, по мнению человека, связей между явлениями в мире. Исследования М. Бонда и К. Леонга позволили им выделить пять основных групп социальных аксиом, в которых закрепляются и передаются представления о мире: 1) социальный цинизм; 2) награда за приложенные усилия; 3) социальная сложность; 4) контроль судьбы; 5) религиозность.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью пакета программ SPSS Statistics v. 22. Для сравнения групп применялся U-критерий Манна-Уитни, для определения взаимосвязей между переменными – коэффициент корреляции Спирмена.

Респонденты. Всего нами был опрошен 3021 житель пяти федеральных округов Российской Федерации, из них 49% – женщины, 51% – мужчины. Опрос проводился на платной основе, с использованием платформы «Anketolog.ru» и панели респондентов ОМІ при участии и финансовой поддержке Ассоциации Российских Банков. Основанием для отбора респондентов из этой выборки послужил

вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком, и, если да, какую веру Вы исповедуете?», предполагающий выбор из следующих вариантов: 1) не считаю себя верующим человеком; 2) я верю в Бога, но конкретную религию не исповедую; 3) христианство, православие; 4) христианство, православие старого обряда (староверы); 5) христианство, католицизм; 6) христианство, протестантизм; 7) ислам; 8) буддизм; 9) иудаизм; 10) другое; и 11) затрудняюсь ответить.

Результаты приведены в табл. 1.

Первоначальный замысел исследования предполагал сравнение православных христиан, православных протестантов, мусульман, буддистов и агностиков, однако окончательное решение принималось на основании полученного количества респондентов-сторонников определённой конфессии, позволяющего провести сравнение.

Из общей выборки нами были отобраны 85 мусульман, и проведено описание выборки. Возраст: от 17 до 57 лет; $M=35,3$; $SD=8,2$. Пол: 35 мужчин, 50 женщин. Опыт долгового поведения: 50 человек (25 мужчин и 25 женщин) имеют займы. Виды долгов у участников были различными: у 11 человек – автокредит, у 16 человек – ипотека, у 41 – потребительский кредит, у 12 – займы у друзей и родственников и у 3 человек – займы в МФО. Вопрос предполагал множественный выбор, поэтому общая сумма превышает общее количество заёмщиков. К тому же 14 человек имеют просроченные платежи по займам.

Из выборки православных христиан ($N=1473$) случайным образом были отобраны 85 человек – в SPSS

Таблица 1 / Table 1

Соотношение респондентов, исповедующих разные религиозные убеждения в общей выборке / The ratio of respondents with different religious beliefs in the total sample

Считаете ли Вы себя верующим человеком, и, если да, какую веру Вы исповедуете?	Частота	Проценты
Не считаю себя верующим человеком	689	22,8
Я верю в Бога, но конкретную религию не исповедую	515	17,0
Христианство, православие	1473	48,7
Христианство, православие старого обряда (староверы)	19	0,6
Христианство, католицизм	16	0,5
Христианство, протестантизм	31	1,0
Ислам	85	2,8
Буддизм	17	0,6
Иудаизм	2	0,1
Другое	56	1,9
Затрудняюсь ответить	118	3,9
Всего	3021	100,0

были сгенерированы несколько наборов данных и отобран наиболее близкий по возрасту к набору из участников-мусульман. Возраст испытуемых: от 18 до 55 лет; $M=37,6$; $SD=8,0$. Пол: 41 испытуемый – мужчина, 44 – женщины. Опыт долгового поведения: 60 человек (29 мужчин, 31 женщина) имеют займы. Виды долгов: у 9 человек – автокредит, у 18 – ипотека, у 45 – потребительский кредит, у 13 – образовательный кредит, у 4 – заём в МФО и ещё у 4 человек – заём в кредитном потребительском кооперативе. 11 человек имеют просроченные платежи по займам.

Из общей выборки *агностиков* ($N=689$) случайным образом были отобраны 85 человек, процедура была аналогична отбору православных христиан. Возраст: от 16 до 58 лет; $M=38,6$; $SD=9,4$. Пол: 48 мужчин, 37 женщин. 53 человека (31 мужчина и 22 женщины) имеют опыт займов. У 7 чело-

век – автокредит, у 14 – ипотека, у 46 – потребительский кредит, у 13 – заём у друзей и знакомых, у 4 – заём в МФО и ещё у 2 человек – заём в кредитном потребительском кооперативе. 18 человек имеют просроченные платежи по займам.

Результаты

Сравнение представителей разных религиозных конфессий по долговому поведению. Три подгруппы респондентов: мусульман, православных христиан и агностиков – по 85 человек в каждой, отобранные из репрезентативной по городскому населению России выборки, близкие по возрасту, соотношению полов, оказались близки и по опыту долгового поведения: наличию, типам займов и просроченных платежей. Уже на этом этапе анализа возникли предпосылки для отклонения выдвинутой гипотезы и уточнения (в будущих исследованиях)

Таблица 2 / Table 2

Описательная статистика результатов «Экспресс-опросника долгового поведения» для представителей разных религиозных конфессий / Descriptive statistics of the results of the “Debt Behavior Questionnaire” for representatives of different religious denominations

Шкалы опросника	Агностики (N=85)		Христианство, православие (N=85)		Ислам (N=85)	
	М	SD	М	SD	М	SD
Рациональность долгового поведения	23,7	4,0	24,7	3,4	24,2	3,6
Избегание долгов	16,2	3,5	16,5	2,7	16,0	2,9
Осуждение заёмщиков	11,4	3,3	11,2	3,3	11,9	2,7

Таблица 3 / Table 3

Описательная статистика результатов «Экспресс опросника долгового поведения» для представителей разных религиозных конфессий, имеющих опыт заёмного поведения / Descriptive statistics of the results of the “Debt behavior Questionnaire” for representatives of different religious denominations with borrowing experience

Шкалы опросника	Агностики (N=53)		Христианство, православие (N=60)		Ислам (N=50)	
	М	SD	М	SD	М	SD
Рациональность долгового поведения	24,0	4,4	24,9	3,5	24,4	3,5
Избегание долгов	15,7	3,8	16,4	2,5	15,5	2,8
Осуждение заёмщиков	11,1	3,3	11,4	3,2	11,8	2,4

как религиозной идентичности, так и вопросов по долговому поведению. Далее мы провели попарное сравнение указанных групп респондентов по результатам «Опросника долгового поведения». Описательная статистика приведена в табл. 2.

Достоверных различий (U-критерий; $p < 0,50$) при попарном сравнении получено не было. Православные отличаются от агностиков по исполнению обязательств только на уровне тенденции (U-критерий; $p = 0,70$).

Отсутствие различий в общей выборке побудило провести попарное сравнение только представителей ре-

лигиозных конфессий, имеющих опыт заимствования. Описательная статистика результатов приведена в табл. 3.

Однако различий между заёмщиками, имеющими различные религиозные убеждения, тоже не было выявлено. То есть, мусульмане, православные христиане и люди, не верящие в Бога, имеют одинаковую готовность брать долг, давать в долг и исполнять долговые обязательства, следовательно выдвинутые нами первая и вторая гипотеза не подтвердились. Объяснением отсутствия различий между людьми, оценивающими себя как мусульман, православных и агностиков, может

быть степень выраженности их религиозной идентичности, которая, по мнению ряда авторов, имеет сложную структуру [3, 8]. Например, в работе М. В. Ефремовой показано, что «чем выше выраженность религиозной идентичности (у христиан), тем меньше значимость денег, ниже уровень активности в удовлетворении экономических потребностей, негативней отношение к конкуренции <...> выраженность религиозной идентичности у студентов-мусульман связана с удовлетворённостью жизнью, прогнозом роста материального благосостояния в будущем, позитивным представлением о росте своего благосостояния за последние два года, удовлетворением потребительских интересов, удовлетворённостью материальным благосостоянием» [3, с. 94]. То есть, простая категоризация на основании только одного вопроса не является достаточной, поскольку не отражает глубины религиозных убеждений. Связь параметров религиозной идентичности и долгового поведения требует дальнейшего изучения и может быть хорошей перспективой данной работы.

Значение может иметь и *тип займа*, который мы не учли. Так, по данным, описанным в зарубежных исследованиях, наиболее ревностные мусульмане могут получать только исламские займы, верующие среднего уровня могут смешивать обычные и исламские займы, что выступает достаточно частым явлением [14]. При этом *уровень риска по исламским займам* одного и того же заёмщика, получающего как обычные, так и исламские займы от одного и того же банка, составляет лишь *одну пятую* от уровня риска обычных займов, т. е. тот же заёмщик с меньшей

вероятностью не выполнит обязательства по исламскому, чем по обычному кредиту [13].

Взаимосвязи готовности к заимствованию, одалживанию и исполнению долговых обязательств с моральными основаниями и социальными аксиомами у представителей разных религиозных конфессий. Хотя первая и вторая гипотезы не подтвердились, мы предположили, что должны быть различия в ценностях и представлениях о мире, связанных с долговым поведением. То есть, одни и те же взгляды на заимствование, одалживание и исполнение обязательств у представителей разных религиозных конфессий имеют разные основания и связаны с различными представлениями о мире и ценностными ориентациями, обусловленными религиозными взглядами. Для проверки этой гипотезы нами был проведён корреляционный анализ характеристик долгового поведения и шкал опросников «Моральные основания» и «Социальные аксиомы». Результаты будут отдельно представлены для заимствования (табл. 4), исполнения долговых обязательств (табл. 5) и одалживания (табл. 6).

Общими для всех групп респондентов являются достоверные корреляции избегания заимствования в связи с моральными основаниями: заботой, справедливостью, чистотой, святостью и социальной аксиомой о социальной сложности мира – т. е. независимо от религиозных убеждений, чем выше понимание сложности человеческой природы, ценность справедливости, сопереживания и чистоты, тем выше избегание заимствования, и наоборот.

Таблица 4 / Table 4

Связь избегания заимствования с моральными основаниями и социальными аксиомами у представителей разных религиозных конфессий (r-Спирмена) / The correlaton of avoidance of borrowing with moral foundations and social axioms among representatives of different religious denominations, (Spearman's correlation coefficients)

Шкалы опросников MFQ и SAS / шкала «избегание долгов» экспресс-опросника д.п.	Агностики	Православные	Мусульмане
Шкала заботы (MFQ)	0,2*	0,4***	0,2*
Шкала справедливости (MFQ)	0,3**	0,3**	0,49***
Шкала лояльности (MFQ)	0,1	0,3*	0,0
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	0,1	0,2	0,1
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,4***	0,3**	0,5***
Религиозность (SAS)	0,0	0,1	0,0
Социальный цинизм (SAS)	0,4***	-0,1	0,4***
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,2	0,3**	0,2*
Контроль судьбы (SAS)	-0,1	-0,1	0,0
Социальная сложность (SAS)	0,3**	0,3*	0,4***

Примечание: здесь и далее * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; жирным шрифтом выделены корреляции, отличающиеся у групп респондентов.

Различия заключаются в следующем. У православных христиан и мусульман избегание заимствования напрямую связано с верой ввиду вознаграждения усилий, связанных с представлением о том, что мир справедлив, и сегодняшние усилия приводят к успеху в будущем. Данная связь не характерна для агностиков.

У агностиков и мусульман избегание заимствования связано с представлением о порочности человеческой природы и несправедливости социального мира, что не характерно для православных христиан.

У православных, в отличие от мусульман и агностиков, избегание заимствования связано с моральным основанием – лояльностью к своей группе.

Готовность к исполнению долговых обязательств у всех респондентов

положительно связана с ценностью справедливости и чистоты, а также с социальными аксиомами: социальным цинизмом и социальной сложностью, т. е., независимо от религиозных убеждений, чем выше ценятся справедливость и чистота, а также выше убеждение в сложности социального мира, негативный взгляд на человеческую природу и недоверие социальным институтам, тем выше готовность исполнять взятые на себя обязательства.

Различия заключаются в том, что для агностиков и православных, в отличие от мусульман, свойственна прямая связь готовности исполнять обязательства с лояльностью и заботой. Для мусульман и православных христиан, в отличие от агностиков, свойственна прямая связь с верой в вознаграждение усилий.

Таблица 5 / Table 5

Связь исполнения обязательств с моральными основаниями и социальными аксиомами у представителей разных религиозных конфессий (r-Спирмена) / The correlaton of obligation fulfillment with moral foundations and social axioms among representatives of different religious denominations, (Spearman's correlation coefficients)

Шкалы опросников MFQ и SAS / шкала «долговая рациональность» экспресс-опросника д. п.	Агностики	Православные	Мусульмане
Шкала заботы (MFQ)	0,4**	0,5***	0,2
Шкала справедливости (MFQ)	0,5***	0,5***	0,3*
Шкала лояльности (MFQ)	0,3**	0,4***	0,0
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	0,1	0,2	0,0
Шкала чистоты и святости (MFQ)	0,5***	0,5***	0,3**
Религиозность (SAS)	0,0	0,1	0,1
Социальный цинизм (SAS)	0,4***	0,2*	0,4***
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	0,2	0,3*	0,2*
Контроль судьбы (SAS)	-0,1	0,1	0,0
Социальная сложность (SAS)	0,5***	0,4***	0,3**

Таблица 6 / Table 6

Связь избегания одалживания с моральными основаниями и социальными аксиомами у представителей разных религиозных конфессий (r-Спирмена) / The correlaton of avoidance of lending with moral foundations and social axioms among representatives of different religious denominations, (Spearman's correlation coefficients)

Шкалы опросников MFQ и SAS / шкала «осуждение заёмщиков» экспресс-опросника д. п.	Агностики	Православные	Мусульмане
Шкала заботы (MFQ)	-0,1	-0,3*	-0,2*
Шкала справедливости (MFQ)	0,0	-0,2	-0,1
Шкала лояльности (MFQ)	-0,1	-0,23*	-0,1
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	0,2	0,1	0,2
Шкала чистоты и святости (MFQ)	-0,0	-0,4**	0,1
Религиозность (SAS)	0,1	0,0	-0,17
Социальный цинизм (SAS)	0,1	0,1	0,3*
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	-0,1	0,2	0,0
Контроль судьбы (SAS)	0,1	0,1	0,0
Социальная сложность (SAS)	-0,23*	0,0	0,1

Общих корреляций, свойственных в равной степени представителям всех убеждений, с готовностью предоставлять деньги в долг не выявлено.

Для агностиков одалживание денег другим связано только с пониманием

социальной сложности мира – представлением об изменчивости человека и общества, наличии множества различных вариантов решений одной и той же проблемы, зависимости поведения от ситуации, а не от неизменных правил.

Для православных христиан готовность давать деньги в долг связана с моральными основаниями: заботой (сопереживанием и привязанностью), лояльностью (терпимостью), чистотой и святостью (религиозными нормами).

Для мусульман готовность давать деньги в долг связана с заботой и низким социальным цинизмом.

Обобщая полученные результаты, можно сделать следующие выводы. У всех респондентов независимо от их конфессиональной принадлежности избегание долгов, которое у россиян реализуется не только путём своевременного исполнения обязательств, но и через отказ от заимствования [1], что связано со справедливостью, а именно со стремлением защитить свои интересы, ценностью, поддерживающей этику автономии, связано с чистотой и святостью – той сплавивающей ценностью, включающей запреты на осквернение «священных» объектов и распущенное и развращённое поведение [12]. Моральное основание «уважения к авторитетам» не связано ни с какими характеристиками долгового поведения ни в одной из групп респондентов, что может быть связано с тем, что показатель уважения авторитетов и власти в России низкий. Индивидуализирующая ценность – забота о людях – связана у всех респондентов с избеганием заимствования, у православных и агностиков – с исполнением обязательств, и у православных и мусульман – с готовностью давать в долг. Сплавивающая ценность – лояльность к группе – связана со всеми видами долгового поведения у православных христиан: чем выше лояльность к своей группе, тем выше избегание долгов (меньше случаев за-

имствования и больше случаев исполнения обязательств) и выше готовность давать в долг (меньше случаев избегания одалживания) – и с исполнением обязательств у агностиков; т. е., православные христиане отличаются от других респондентов наличием связи лояльности с избеганием заимствования; мусульмане отличаются от других респондентов отсутствием связи исполнения обязательств с лояльностью. Православные христиане отличаются от других респондентов наличием обратной связи избегания одалживания и ценностей лояльности к группе, чистоты и святости. Респонденты, имеющие религиозные убеждения, отличаются от агностиков наличием связи между ценностью заботы о людях и избеганием одалживания.

Социальные аксиомы – религиозность, указывающая на существование сверхъестественных сил и благотворную, исцеляющую функцию религиозной веры, и контроль судьбы, предписывающий веру в то, что все события в жизни predeterminedены, что существуют разные способы влиять на свою судьбу, не связаны ни с какими характеристиками долгового поведения ни у одной из групп респондентов. Социальный цинизм, представляющий собой убеждения о том, что социум приносит людям только зло, что люди окружены враждебными, эгоистичными и властными индивидами, группами и институтами, притесняющими и подавляющими их [11], оказался связан с избеганием заимствования агностиками и мусульманами, исполнением обязательств всеми респондентами и отказом давать в долг у мусульман. Одной из причин большого количества взаимосвязей может яв-

ляться высокий показатель социально-го цинизма в России [12]. Социальная сложность, понимаемая и как наличие множества разных способов достижения результатов, и как оценка противоречивости человеческого поведения как вполне обычного, положительно связана с отказом от заимствования, готовностью к исполнению обязательств у всех групп респондентов и с отказом от одалживания у агностиков.

Заключение

При сравнении характеристик долгового поведения у респондентов с разными религиозными убеждениями достоверных различий выявлено не было. Сходства и различия были обнаружены при анализе связей характеристик долгового поведения с представлениями о мире и ценностными ориентациями. Основное отличие православных христиан от других респондентов – наличие связей всех характеристик долгового поведения

с лояльностью к группе. Отличие мусульман от других респондентов проявляется в наличии связи социального цинизма с отказом от одалживания. Отличие агностиков от респондентов, имеющих религиозные убеждения, – это отсутствие связи между верой, предполагающей вознаграждение усилий, и избеганием заимствования и готовностью к исполнению обязательств, и наличие связи избегания одалживания со сложностью социального мира. Полученные данные могут быть использованы для усовершенствования программ по профилактике девиантного долгового поведения и повышению финансовой и долговой грамотности.

В качестве перспектив исследования следует отметить изучение связи долгового поведения и выраженности религиозной идентичности.

*Статья поступила
в редакцию 15.07.2021*

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагарина М. А. Долговой менталитет личности: экономико-психологическое исследование. М.: ИПРАН, 2021. 275 с.
2. Гагарина М. А., Падун М. А. Экспресс-опросник долгового поведения: разработка и валидизация // Психологические исследования. 2021. Т. 14. № 78. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n78/1921-gagarina78.html> (дата обращения: 01.07.2021).
3. Ефремова М. В. Влияние религиозной идентичности на экономические установки и представления россиян // Альманах современной науки и образования. 2010. № 10. С. 90–95.
4. Исламские финансовые институты и исторические особенности их зарождения / С. Д. Галиуллина, М. Г. Бреслер, А. Р. Сулейманов, В. В. Галиуллина // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 3 (25). С. 50–57.
5. Кулиев Э. Р. Коран: перевод смыслов / под ред. Э. Р. Кулиева, Р. Ф. Абаскулиева, А. З. Мусаева, А. А. Касима, С. М. Захарна. 6-е изд., испр. М.: Умма, 2007. С. 59–60.
6. Рябченко Л. И. Перспективы развития исламского банкинга в России // Вестник университета. 2018. № 9. С. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-140-146>
7. Смирнова К. Л. Религия и экономика: к проблеме соотношения в пространстве российской культуры // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2012. № 5. С. 188–192.

8. Соколовская И. Э. Психологический феномен идентичности религиозной молодёжи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2012. № 3. С. 82–88.
9. Соколовская И. Э. Феномен религиозности в контексте психологических теорий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2014. № 2. С. 36–46.
10. Сычев О. А., Протасова И. Н., Белоусов К. И. Диагностика моральных оснований: апробация русскоязычной версии опросника MFQ // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 3. С. 88–115. DOI: 10.21702/rpj.2018.3.5
11. Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Разработка и апробация сокращённой версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1. С. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
12. Adhikari B. K., Agrawal A. Does local religiosity matter for bank risk-taking? // Journal of Corporate Finance. 2016. Vol. 38. P. 272–293. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2016.01.009>
13. Baele L., Farooq M., Ongena S. Of religion and redemption: Evidence from default on Islamic loans // Journal of Banking & Finance. 2014. Vol. 44. P. 141–159. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.03.005>
14. Boone J. P., Khurana I. K., Raman K. K. Religiosity and tax avoidance // Journal of the American Taxation Association. 2013. Vol. 35. P. 53–84.
15. Brahmana R. K., You H. W. Do Muslim CEOs and Muslim stakeholders prefer Islamic debt financing? [Электронный ресурс] // Global Finance Journal. 2021. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2021.100625> (дата обращения: 01.07.2021).
16. Callen J. L., Fang X. Religion and Stock Price Crash Risk // Journal of Financial and Quantitative Analysis. 2015. Vol. 50. P. 169–195.
17. Dehejia R., DeLeire T., Luttmer E. F. P. Insuring consumption and happiness through religious organizations // Journal of Public Economics. 2007. Vol. 91. Iss. 1–2. P. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2006.05.004>.
18. Family-firm risk-taking: Does religion matter? / F. Jiang, Z. Jiang, K. A. Kim, M. Zhang // Journal of Corporate Finance. 2015. Vol. 33. P. 260–278.
19. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. People's opium? Religion and economic attitudes // Journal of Monetary Economics. 2003. Vol. 50. P. 225–282.
20. He W., Hu M. (R.). Religion and bank loan terms // Journal of Banking & Finance. 2016. Vol. 64. P. 205–215. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2015.12.005>
21. Hilary G., Hui K. W. Does religion matter in corporate decision making in America? // Journal of Financial Economics. 2009. P. 455–473.
22. Hooy C. W., Ali R. Does a Muslim CEO matter in Shariah-compliant companies? Evidence from Malaysia // Pacific-Basin Finance Journal. 2017. Vol. 42. P. 126–141.
23. How J. C., Karim M. A., Verhoeven P. Islamic financing and bank risks: The case of Malaysia // Thunderbird International Business Review. 2005. Vol. 47 (1). P. 75–94.
24. Kayed R. N., Hassan M. K. The global financial crisis and Islamic finance // Thunderbird International Business Review. 2011. Vol. 53 (5). P. 551–564.
25. Noussair C. N., Trautmann S. T. G. van de Kuilen, Vellekoop N. Risk aversion and religion // Journal of Risk and Uncertainty. 2013. Vol. 47. P. 165–183.

REFERENCES

1. Gagarina M. A. *Dolgovoj mentalitet lichnosti: ekonomiko-psihologicheskoe issledovanie* [Debt mentality of personality: economic and psychological research]. Moscow, IPRAN Publ., 2021. 275 p.

2. Gagarina M. A., Padun M. A. [Rapid Debt Behavior Questionnaire: Design and Validation]. In: *Psichologicheskiye issledovaniya* [Psychological Issues], 2021, vol. 14, no. 78. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2021v14n78/1921-gagarina78.html> (accessed: 01.07.2021).
3. Efremova M. V. [The influence of religious identity on the economic attitudes and perceptions of Russians]. In: *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 2010, no. 10, pp. 90–95.
4. Galiullina S. D., Bresler M. G., Sulejmanov A. R., Galiullina V. V. [Islamic financial institutions and historical features of their origin]. In: *Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika* [USPTU Bulletin. Science, education, economics. Series: Economics], 2018, no. 3 (25), pp. 50–57.
5. Kuliev E. R. *Koran: perevod smyslov* [Koran: translations of meanings]. Moscow, Umma Publ., 2007, pp. 59–60.
6. Ryabchenko L. I. [Prospects for the development of Islamic banking in Russia]. In: *Vestnik universiteta* [Bulletin of University], 2018, no. 9, pp. 140–146. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-9-140-146>
7. Smirnova K. L. [Religion and Economics: on the Problem of Correlation in the Space of Russian Culture]. In: *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Social-economic sciences], 2012, no. 5, pp. 188–192.
8. Sokolovskaya I. E. [The psychological phenomenon of the identity of religious youth]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2012, no. 3, pp. 82–88.
9. Sokolovskaya I. E. [The phenomenon of religiosity in the context of psychological theories]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psichologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences], 2014, no. 2, pp. 36–46.
10. Sychev O. A., Protasova I. N., Belousov K. I. [Diagnostics of moral grounds: testing the Russian-language version of the MFQ questionnaire]. In: *Rossijskij psichologicheskij zhurnal* [Russian Psychological Bulletin], 2018, vol. 15, no. 3, pp. 88–115. DOI: [10.21702/rpj.2018.3.5](https://doi.org/10.21702/rpj.2018.3.5)
11. Tatarko A. N., Lebedeva N. M. [Development and testing of an abridged version of the methodology “Social Axioms” by M. Bond and K. Leung]. In: *Kul'turno-istoricheskaya psihologiya* [Cultural and Historical Psychology], 2020, vol. 16, no. 1, pp. 96–110. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2020160110>
12. Adhikari B. K., Agrawal A. Does local religiosity matter for bank risk-taking? // In: *Journal of Corporate Finance*, 2016, vol. 38, pp. 272–293. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2016.01.009>
13. Baele L., Farooq M., Ongena S. Of religion and redemption: Evidence from default on Islamic loans. In: *Journal of Banking & Finance*, 2014, vol. 44, pp. 141–159. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2014.03.005>
14. Boone J. P., Khurana I. K., Raman K. K. Religiosity and tax avoidance. In: *Journal of the American Taxation Association*, 2013, vol. 35, pp. 53–84.
15. Brahmana R. K., You H. W. Do Muslim CEOs and Muslim stakeholders prefer Islamic debt financing? In: *Global Finance Journal*, 2021. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.gfj.2021.100625>.
16. Callen J. L., Fang X. Religion and Stock Price Crash Risk. In: *Journal of Financial and Quantitative Analysis*, 2015, vol. 50, pp. 169–195.
17. Dehejia R., DeLeire T., Luttmer E. F. P. Insuring consumption and happiness through

- religious organizations. In: *Journal of Public Economics*, 2007, vol. 91, iss. 1–2, pp. 259–279. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jpubeo.2006.05.004>
18. Jiang F., Jiang Z., Kim K. A., Zhang M. Family-firm risk-taking: Does religion matter? In: *Journal of Corporate Finance*, 2015, vol. 33, pp. 260–278.
19. Guiso L., Sapienza P., Zingales L. People's opium? Religion and economic attitudes. In: *Journal of Monetary Economics*, 2003, vol. 50, pp. 225–282.
20. He W., Hu M. (R.). Religion and bank loan terms. In: *Journal of Banking & Finance*, 2016, vol. 64, pp. 205–215. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2015.12.005>
21. Hilary G., Hui K. W. Does religion matter in corporate decision making in America? In: *Journal of Financial Economics*, 2009, pp. 455–473.
22. Hooy C. W., Ali R. Does a Muslim CEO matter in Shariah-compliant companies? Evidence from Malaysia. In: *Pacific-Basin Finance Journal*, 2017, vol. 42, pp. 126–141.
23. How J. C., Karim M. A., Verhoeven P. Islamic financing and bank risks: The case of Malaysia. In: *Thunderbird International Business Review*, 2005, vol. 47 (1), pp. 75–94.
24. Kaye R. N., Hassan M. K. The global financial crisis and Islamic finance. In: *Thunderbird International Business Review*, 2011, vol. 53 (5), pp. 551–564.
25. Noussair C. N., Trautmann van de Kuilen S. T. G., Vellekoop N. Risk aversion and religion. In: *Journal of Risk and Uncertainty*, 2013, vol. 47, pp. 165–183.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гагарина Мария Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; ассоциированный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: MGagarina224@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Gagarina – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Department of Psychology and human capital development, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Research Assistant, Institute of Psychology RAS;
e-mail: MGagarina224@gmail.com; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7812-7875>

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гагарина М. А. Сравнительный анализ долгового поведения у представителей различных религиозных конфессий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2021. № 3. С. 48–63.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-48-63

FOR CITATION

Gagarina M. A. Comparative analysis of debt behavior of representatives of different religious denominations. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*, 2021, no. 3, pp. 48–63.
DOI: 10.18384/2310-7235-2021-3-48-63